

«НИКАКОЙ теории театра у меня нет. Писание пьес представляется мне авантюрой, а не плодом знания и опыта. Я ничего не придумал... Все, что я пишу, уже написано другими, я только предлагаю варианты». Так раскрывает свои творческие принципы Фернандо Аррабаль, один из самых модных сегодня в Европе и США авангардистских драматургов. Французский критик Поль Сюрер даже писал, что «по сравнению с Аррабалем мэтры театра абсурда Сэмюэл Бекетт и Эжен Йонеско выглядят устаревшими авторами».

Этот испанец, который пишет по-французски, а живет в Сан-Франциско, перешеголял всех остальных абсурдистов, создав так называемый «театр панического ритуала». Что же это означает? Жизнь общества и человека, с точки зрения Аррабалю, лишена всякого смысла и цели. Все бытие — это хаос, смятение, невинность. Выразить этот хаос может только театр, травмирующий зрителей насилием, непристойностями, чудовищными нелепостями. Поэтому, по словам Аррабалю, в дело идет все: трагедия и гиньоль, поэзия и пошлость, комедия и мелодрама, любовь и эро-

тизм, хэппенинг и ансамбли, плохой вкус и эстетская утонченность, святотатство и святость, убийство и экзальтация жизни, грязное и возвышенное...» Театр для Аррабалю — трибуна, с которой он проповедует аморальность, жестокость и животную сексуальность. Герои его пьес, как отмечал известный французский критик Пьер де Буадефр, «убивают и мучают друг друга с безжалостностью детей, отрывающих у мух лапки».

Театр Аррабалю крайне субъективен. «Мой театр, — признался драматург, — организуется вокруг элементов, которые важны мне более всего: самого Аррабалю, конечно, матери, реальности, снов, абсурда». Все свои прихоти и фантазии, все свои сексуальные мании Аррабаль переносит в пьесы. «Сны имеют такое же влияние, как и действительность, — заявляет он. — Кошмарный сон, записанный наутро после того, как мне вырезали легкое, без всяких изменений перенесен в пьесу «Лабиринт».

Самоклема Аррабалю граничит с паранойей. Недавно, например, он выпустил фотоальбом, где его персона на многих снимках

изображена в чем мать родила. На вопрос корреспондентов парижского еженедельника «Нуэль литерер», что представляет для него «акт творчества», Аррабаль ответил: «Я чувствую себя полезным самому себе. Когда я пишу, то это меня заставляет смеяться, плакать, возбуждает или огорчает».

Но почему же Аррабалю, как писал в книге «Живая

искусства: «Я воплощаю эмоции. В моем театре нет ни одного произведения, которое можно считать по-настоящему политическим». Он воинственно защищает «свободу творчества»: «Я не даю никаких уроков. Я просто маленький человек, свободный настолько, насколько возможно».

Однако эта «свобода», по признанию самого Аррабалю,

Сандье в книге «Театр и борьба» назвал Аррабалю «шутком ищущей развлечений и жадной до безобидных скандальчиков буржуазии». «Мои персонажи — в отчаянии, но веселья не теряют, — заявил недавно Аррабаль в интервью еженедельнику «Нуэль литерер». — Это отчаяние не последовательное, я ведь легко прихожу в состояние энтузиазма».

леает» силами природы. Над островом происходит авиационная катастрофа. Один из оставшихся в живых, «император Ассирии», «знающий законы цивилизации, философии и земного счастья», появляется на острове. Эти «персонажи» предаются какой-то бесконечной игре: по очереди оказываясь в ролях женщины и мужчины, они разыгрывают омерзительные

и никчемно. В этой пьесе, однако, Аррабаль явно переборщил. «Своим мрачным вкусом к оскорблениям, богохульству и непристойностям, — писал французский критик Поль Сюрер, — тягостным переживанием своих навязчивых идей и эротическим бредом драматург рискует вызвать отвращение у большинства зрителей». О «философии» этого произведения тот же критик сказал, что она «смехотворна и, переведенная на связный язык, сводится к банальным общим местам, к пустой болтовне».

Написав два десятка пьес, Аррабаль почти исчерпал «свой внутренний мир», стал повторяться. В поисках нового материала для «панических ритуалов» он неожиданно обратился к левацкой идеологии и написал пьесу «Столетняя война», которая сейчас идет в Париже. Драматург расценивает свою вещь, как «разрыв с предшествующим творчеством», как обращение к политическому театру. «Столетняя война», спекулируя на ультрагоишских лозунгах, претендует на общительность. Уж не перешел ли авангардистский драматург на сторону социально ответственного искусства?

Нет, этого не произошло. «В поразительно глупой пьесе Аррабалю, — писал в еженедельнике «Экспресс» известный театральный критик Робер Кантерс, — сексуальный инфантилизм сменился инфантилизмом политическим». В ней нет ни интриги, ни персонажей, ни диалогов, почти нет текста, кроме беспрестанного повторения слова «дерьмо».

«Ничто в этой пьесе не волнует, ничто по-настоящему не будоражит, — отмечал в рецензии на спектакль театральный обозреватель еженедельника «Нуэль литерер» Франсуа- Режи Бастид. — Зритель равнодушно проглатывает это «потребительское искусство». Мнимые обличения современной буржуазной «цивилизации» изобилия и досуга, которым предается Аррабаль, ни у кого не вызвали «паники». Они только лишний раз подтвердили беспринципность и беспомощность авангардистского искусства, усматривающего свою главную задачу в том, чтобы забавлять сытых мира сего. Ведь «клоуны» Аррабалю, претендующий на «революционность», прекрасно знает, как ехидно заметить Робер Кантерс, что он «ничем не рискует».

Л. ПАВЛОВ

Лица сквозь факты

ИЛИ «ТЕАТР ПАНИЧЕСКОГО РИТУАЛА»

история современной литературы» Пьер де Буадефр, «определенные круги пытаются представить образцом для авангарда»? Прежде всего потому, что апологетов модернизма вполне устраивает та концепция места и роли художника в капиталистической действительности, которую воинственно отстаивает Аррабаль. Он неизменно прокламирует асоциальность

выражается в том, что драматурги являются жалкими клоунами буржуазного общества. «Мы можем сердиться и быть резкими, потому что нам не на что надеяться, нечего терять». Какая красноречивая характеристика бессилия модернистского искусства в обществе потребления!

«Образец авангарда» в роли всем довольного шута! Французский критик Жиль

«Панические ритуалы» Фернандо Аррабалю призваны щекотать нервы пресыщенных снобов. Самая шумевшая его пьеса «Архитектор и император Ассирии» представляет собой мрачный и невнятный бурлеск с претензиями на философскую символику. Где-то на острове живет одержимый сексуальным бредом Архитектор, который неведомо почему «пове-

салистские сценки, выворачивая наизнанку свои грязные душонки. Зрителей осыпает поток грубой брани, непрерывно шокируют двусмысленные позы и жесты. Все это, по замыслу Аррабалю, и есть «панический ритуал». Но «идея» пьесы совсем иная: круг бесчисленных превращений замыкается, в жизни ничего изменить невозможно, все бессмысленно